ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ

ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО РУССКОЙ МОЛОДЕЖИ.

БУДУЩЕЕ РОССИИ—В РУКАХ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ!

ОКТЯБРЬ 1918 г.

№ 5.

ЦЕНА В МОСКВЕ 2 руб.
ЦЕНА ВНЕ МОСКВЫ 2 руб. 15 коп.

Русский Библиотека

ДОПЕТАЯ ПЕСНЬ.

Из коллекции Л. П. Прохоровой

А. К. МАНКОВ.

Жизнь и Творчество Русской Молодежи.

№ 5. ОКТЯБРЬ 1918 г. № 5.

Главная контора и редакция: *Москва*, 1-я Мещанская, дом № 50, кв. № 12. РЕДАКЦИЯ открыта по вторникам и четвергам от 5 — 7 часов вечера. КОНТОРА открыта по вторн. и четв. от 5—7 час. веч.

Южное отделение конторы: *гор. Липецк*, Тамбовской губ., Липовская улица, дом № 6.

Украинское отделение конторы: *гор. Харьков*, Дворянская улица, д. № 7, комната № 5.

ОБ'ЯВЛЕНИЯ: за строку нонпарели 2 руб. 50 коп.

Цели журнала:

Полное раскрепощение духа молодежи в России, развитие свободного волевого самосознания, как фундамент бесконечных творческих достижений, об'единение молодежи на платформе тесного единения с народом, отражение всех сторон жизни и творчества молодежи и ее участия в строительстве общественной жизни.

Программа журнала.

1. Общественная жизнь и молодежь. 2. Жизнь молодежи неучащейся и учащейся в высшей и средней школе. 3. Эсперанто. 4. Беллетристика 5. Скульптура. 6. Живопись 7. Зодчество. 8. Театр. 9. Музыка. 10. Спорт. 11. Хроника. 12. Библиография и критика 13. Юмор. 14. Смесь и задачи. 15. Почта. 16. Наша портретная галлерея. 17. Об'явления.

Сотрудники журнала:

Вся русская молодежь, желающая принять участие и дать рукописи для напечатания Все лучшее, талантливое и интересное немедленно помещается. Рукописи должны быть написаны по правилам новой орфографии на одной стороне листа крупно и разборчиво. Рукописи менее печатного листа не возвращаются. Рукописи помеченные словом „оплатить"—оплачиваются по соглашению (в том случае, если будут приняты к печати). Присылкой рукописей, рисунков и фотографий Редакция просит торопиться.

ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ И МОЛОДЕЖЬ.

РЕФОРМА СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ.

Л. Кассо.—Школа—это участок.

Мануилов.—Надо-бы реформочку! И хочется и колется.

А. В. Луначарский.—Довольно слов!

29 го октября 1917 года управление бывшим министерством просвещения перешло к народному комиссару А. В. Луначарскому.

С тех пор прошел год. Год беспрерывной борьбы и неустанной работы в области обучения народа. И на исходе его, окинув взглядом пройденный путь, Комиссариат в праве гордиться им. Он, этот год, не проспал. Все время он бодрствовал и работал, и не его вина, что результаты работы сейчас еще почти не сказались.

Слишком много причин препятствовало этому. Сначала, преступный в неграмотной стране, школьный саботаж и забастовка учительских верхов, потом февральское наступление немцев, и наконец, эвакуация Петрограда и переезд в Москву. Все эти обстоятельства, стихийно возникавшие, в корне разрушали

творческую деятельность и заставляли начинать ее сызнова.

Но все же результаты огромны. Долгожеланная школьная реформа совершена. Старая, насквозь прогнившая школа разрушена и на ее развалинах строится новая, единая, трудовая школа-коммуна.

Мечта лучших русских людей и даже поколений претворилась в действительность. Новая школа будет воспитывать свободных, жаждающих труда, работников, а не любящих говорить, бездельников.

Всю деятельность Комиссариата Народного Просвещения можно разделить на два периода. Первый—призыва и разочарования в интеллигенции и второй—самостоятельной деятельности. И только второй период отмечен плодотворной работой.

Первоначальные усилия были направлены на улучшение старой школы. С этой целью одним из первых декретов были упразднены должности инспекторов, директоров, попечителей, окружных и почетных смотрителей и прочей футлярщины, а за одно с ними и обязательная форменная одежда.

Кроме этих, был издан ряд других, предопределяющих дальнейшую работу, декретов. Так, например, были отменены права и привилегии, связанные с образовательным цензом; отметки и экзамены; преподавание Закона Божьего, а также введено коллегиальное управление школами; выборность педагогов и переход всех школ в ведение Комиссариата по Просвещению.

Труд представляет собою естественную стихию человеческого бытия, вне которой не мыслимо существование самого человека. На известной стадии развития человечества, планомерно организованный труд освобождает его от тех оков, которые наложила на него, непобежденная еще им, природа, или эксплуатация его сил другим человеком. С этого момента труд сделается для него из источника вечного страдания, источником радостных состояний.

В новой школе умственному и физическому труду будут уделены равные места, при чем последний будет всегда целесообразен и производителен, то-есть, учащиеся будут работать над изготовлением полезных, потребительных ценностей.

В школе коммуне производительный труд будет не простым придатком к обучению, а явится одним из основных факторов, проникающих через все стороны школьной жизни ребенка.

Общественный труд, общественный человек, общечеловеческие идеалы, а не националистические лозунги; идея братства народов, солидарности в борьбе с природой, идея всемирного труда, а не национальное воспитание—вот, что будет осью воспитания молодого поколения.

В единой трудовой школе воспитание, работа и образование сольются в процессе развития творческой личности.

Тогда из школ будут выходить не узкие, односторонние специалисты, а самостоятельные, здоровые и телом и духом, строители общества и новой культуры.

Единство школы будет выражаться также и тем, что ее отдельные ступени будут строжайшим образом согласованы и учащиеся, переходя из низшей ступени в высшую, не пострадают от разнотипности учебных планов.

Трудовая школа будет доступна, доступна на деле, а не на словах. Она не различает детей ни по социальному положению, ни по национальности и ни по религии, а кроме того дает безплатно не только воспитание и образование, но и одежду, питание, обувь и т. п.

Трудовая школа будет смешанной, хотя бы, по той простой причине, что разделения детей нет в самой жизни.

Школа-коммуна будет самоуправляющейся общиной, все нужды которой удовлетворяются ее членами. Постоянный элемент труда приучит учащихся к планомерной работе на общественные нужды, выработает в них чувство товарищеской солидарности, а коллективный умственный труд и распределение его заставят, в конечном итоге, видеть в них общественную пользу.

Некоторые из этих постановлений не были применены в школах, но все же они несколько помогли закончить без особых потрясений учебный год.

С переездом в Москву неопределенная школьная политика была отброшена, и вместо нее началась правильная, организованная работа, упорно ведущая к намеченной цели.

К текущему учебному году подготовлены общие контуры новой школы. По этим контурам строится здание, светлое здание свободной школы. В основе постройки лежит несколько твердо определенных положений.

Прежде всего, школа должна быть *трудовой* и *единой*. Единой, как в смысле единства ее целей и задач, группирующихся около двух центров тяжести: во-первых—воспитания гармонической личности, и во-вторых—социального развития ее; так и в смысле одинаковой доступности ее для всех. Отсюда вытекает, что школа будет *смешанной, безплатной, общедоступной и обязательной*.

Новая школа не будет давать специального образования, она будет иметь политехнический характер, будет знакомить с главнейшими моментами современной техники, а также давать трудовые навыки.

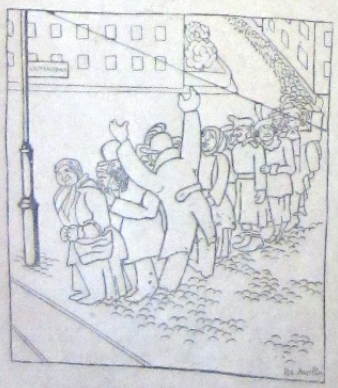
Для осуществления всех своих величественных заданий для текущего учебного года Комиссариат предполагает постановить, что разделение школ на народные, начальные, гимназии и т. п. не будет. Школа получит следующее однообразное название: „*Единая Трудовая Школа-Коммуна Р. С. Ф. С. Р.*“ Курс в ней будет разделяться на две ступени: 1) от 8 — 13 лет включительно 2) от 13—17 лет. Каникулы отменяются, вместо них вводятся три перерыва, продолжительностью в две недели каждый. Учебная неделя равняется семи дням, но не все эти дни будет происходить учение, в некоторые из них школа будет организовывать отдых. Обучение будет совместное и безплатное. Преподавание религиозных предметов и иностранных языков отменяется.

Таковы в общих чертах намечающиеся мероприятия Комиссариата. Конечно, в первый год вряд ли все можно будет применить, но нет сомнения, что даже небольшая часть их возродит школу и поможет молодежи.

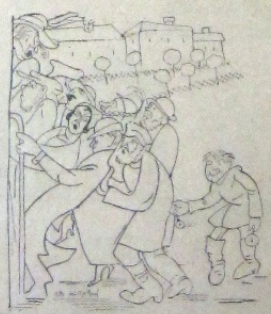
М. Т.

Москва, 1918—24—IX.

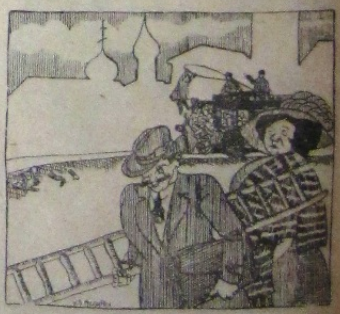
ТРАМВАЙ В ЭТИ ДНИ.



Агитация в очереди.



Кому это выгодно.



„Последнее время трамвая очень долго стоит на остановках“. (Из газет).
—Почему вы идете с лесенкой?
—Сами знаете, что теперь только кражи свободны!“

ЭСПЕРАНТО.

Второй урок

Имена существительные и прилагательные.

Склонение.

В языке эсперанто имеется только два падежа: именительный и винительный, который образуется посредством окончания „n“. Остальные падежи получаются помощью подходящих предлогов. Таким образом, склонение можно представить в следующем виде:

Единственное число.

Именит. пад.—granda domo—большой дом.
Родит. пад—*de* granda domo—(от)—большого дома.
Дательн. пад.—*al* granda domo—(к)—большому дому.
Винит. пад—grand*an* domo*n*—большой дом.
Творит. пад.—*per* (*de*) granda domo—большим домом.

Множественное число.

(образуется помощью окончания „j“).
Именит. пад.—grandaj domoj—большие дома.
Родит. пад.—*de* grandaj domoj—больших домов.
Дательн. пад.—*al* grandaj domoj—большим домам.
Винит. пад.—grandajn domojn—большие дома.
Творит. пад.—*per* (*de*) grandaj domoj—большими домами (и т. д.).

Все имена существительные и прилагательные, а также местоимения и причастия склоняются по этому образцу.

Все предлоги требуют после себя именительного падежа при передаче простой зависимости и винительного падежа для выражения направления. Например: en gardeno—в саду, en gardenon—в сад, sur tero—на земле, sur teron—на землю.

При обозначении *количества и веса* родительный падеж передается предлогом *da*, напр.: deko da pomoj—десяток яблок, botelo da vino—бутылка вина.

При страдательном залоге.

Творительный падеж передается предлогом *de* для действующего лица и предлогом *per* (посредством) для инструмента, напр.: La letero estis skribita de mi per krajono.—Письмо было писано мною карандашем.

Член.

При существительных и прилагательных часто употребляется непереводимая частица „*la*“, придающая предмету более определенное и точное значение. „*La*“ соответствует англ. the, франц. le, la, les, немецк. der, die, das, но остается неизменяемой для всех родов, чисел и падежей. Напр.: korto значит (какой-то, неизвестно) двор, но la korto—значит (тот, этот или каждый) двор, la kortoj—(все же) дворы

Окончания существительного (в именит. пад., ед. число) и члена изредка для благозвучия могут быть опущены и заменены апострофом, напр.: kor' вместо koro (сердце), de e'mondo вместо de la mondo (мир).

Примечания. Раз'яснения. Ответы.

Перевод упражнения, помещенного в первом уроке.

Отцовский—patra, упрямиться—obstini, славно—glore, истина—vero, счастливый человек—felica homo, поспешно бежать—rapide kuri, поспешный бег—rapida kuro.

Рекомендуется внимательно относиться к каждому правилу, помня, что оно применяется во всех соответствующих случаях и что никаких исключений нет.

Н. Некрасов.

НА ТЕМЫ ДНЯ.

Витязь-обыватель на распутьи.

— Дядевька! с твоей колбасы не помрешь?
— Фунт с'ешь и то жива останешься.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

* * *

Свободен тот, кто лишь презренье
К людскому мнению питал,
Кто был способен на мученье
За свой свободный идеал.

Кто предпочел дороге торной
Путь узкий и тернистый свой
И кто не шел, как раб покорный
Ведом за безсмысленной толпой.

Свободен тот, кто сам собою
Всегда умело управлял
И кто пред истиной святою
В испуге глаз не закрывал.

Кто перед силой не склонялся,
Кого не гнал с дороги страх
И кто свободным оставался
В тюрьме, на пытках и в цепях.

А. Старинина.

Север и Юг.

Печалится Север, как инок
В заброшенной келье Природы.
Снег. Чайки. Сосна. Ледоходы.
О, Север,—отчизна блондинок!
На Юге же зимы короче.
Пестрее там перья и ветки.
Там солнце. Там душные ночи.
На Юге пылают брюнетки!

Т. Ширмант.

Море спит...

Солнце сияет в небесной лазури,
Яркою сетью лучей золотых.
Гордые волны, уснув после бури,
Блещут огнями страстей молодых...
Сине-туманное море устало...
Грозная буря над ним пронеслась...
Море шумело! Море ласкало!
Пена седая к утесам неслась..
Брызги алмазов порой рассыпались,
В пыль водяную прозрачно - дробясь
Снизо-могучие волны вздымались,
Как-бы на вольную волю просясь...
Только утесы задумчиво серые,
Гордо внимали борьбе роковой...
Гордо в победу над бурею веруя,
Тешились грозно-кипящей волной...
Море шумело! Море ласкало!
Скалы рыдали и... замерли... Тишь...
Море уснуло!.. Море устало..
„Боже"!.. Ни всплеска...—„Море! ты спишь"?..

А. Гартель.

* * *

Я выточу свой стих из ледяных утесов,
Ритмический прибой в нем плавно зазвенит,
И пеной ляжет звук на кряж морских наносов,
И пеной обовьет незыблемый гранит.
Я выкрашу свой стих под цвет мятели зыбкой
И ледяной венец Тебе одной совью,
Чтоб сохранить навек огонь Твоей улыбки
И пламенность очей в недвижимом цвету.

Д. Н.

Откровение Любанского отшельника.

Я—сын небес
В ночном зефире,
Я—куст чудес
В печальном мире!
Я—злой боец
Средь жизни терний,
Я—рафм отец
В покой вечерний!
Я—друг людей
Во дни страданий,
Я—чародей
В часы изгнаний!
Я—враг всех слез,
Людьми струимых;
Я—вестник грез
Неисчислимых.
Я—ясный луч
Во мраке ночи,
Я—правды луч,
Бодрящий очи;
Я песнь кую
Из дум и боли...
Ее пою
Сынам юдоли!

Любань. *Антип Никаноров.*

В незабудках у реки...

Там,—где скромно притаились незабудки на лугу,
Где тростник о чем то шепчет на зеленом берегу
Этим ясным днем осенним о тебе хочу мечтать,
Отвоей душе красивой незабудкам рассказать...
Потому хочу отдаться этим ласковым мечтам,
Потому хочу об этом рассказать одним цветам,—
Что ничтожный и трусливый человечек не поймет
Ярко радостное чувство, что во мне сейчас живет.
Что нежнее и красивей, эти грезы о тебе,
Золотистого заката, отраженного в воде,
И яснее, и светлее, чем весенняя лазурь,
Ярче солнца, и смелее и свободней ветра бурь.
Что мечтать о нашем счастье, о твоих мечтать словах,—
Это значит раствориться в теплых солнечных лучах,
Это значит притаиться в незабудках у реки...
И закрыть глаза... и слушать, что лепечут тростники...
Или слушать жизнь природы в каждом шорохе травы,
Радость слышать в каждом звуке, видеть в блеске синевы;
Потому что ты, природа,—для меня мечта одна,
Ты весь яркий, ты весь радость, ты весь солнце и весна!

Н. Смановская.

Август 1918 года.

Там.

Мы уйдем в зеленый храм дубравы,
Там протяжный звон и птичий смех.
Мотыльки садятся там на травы,
И не знают, что такое грех.
Мы уйдем от Мира, где нет Рая.
Люди Рая будем мы вдвоем.
Там, в лесу, о змеях забывая,
Плод от Древа Счастья мы сорвем.

Ширмант Т.

ОСЕНЬЮ.

1.

Листья спадают, поклоны прощальные
Шлет сиротеющий лес;
Ветры холодные, песни печальные
Мчат со свинцовых небес.
Смотрят угрюмо поля пожелтелые,
Дали—в тумане лежат;
Кой-где на нивах снопы онемелые
Стройною цепью стоят.
Как взор не кинешь—везде увяданье,
Грусть, и печаль, и тоска...
Царствует всюду одно умиранье—
Страшная смерти рука.
Гибнет природа, когда-то так пышная,
От покоряющей тьмы!
И ощущается, слухом чуть слышная,
Поступь холодной зимы.

2.

Люблю я густые туманы,
Свинцовую чашу небес,
Крикливых гусей караваны,
Печальный желтеющий лес!
Люблю онемелые нивы—
И в грусти поля,
Холодные речек разливы,
Когда умирает земля!
Люблю, если с лаской холодной
Осеннего солнышка луч
Блестит на поверхности водной,
Среди опрокинутых туч!
Люблю, когда жизнь, замирая
Без воплей, без стонов и слез,
Струится к закату, рождая
Потоки элегий и грез!

Антип Никаноров.

(Продолжение).

IV.

Темно в комнате. Давно пора зажигать лампу. Что там Матрена делает?

Холодно. С низких, широких подоконников течет вода, стучат машины в мастерской, слышится громкий мужской голос из соседней каморки, раздаются визг и крики детей. Молодая девушка сидит у стола и что-то ест. Ей лет *девятнадцать. Она среднего роста, худощавая; красивое лицо с правильным, слегка загнутым книзу еврейским носом, темные, красивые глаза, и густые, темные волосы, заплетенные сзади в косу.* Она кончила есть и понесла миску в кухню. В кухне тетка Елена, высокая женщина, с грудным ребенком на руках, и младшая сестра Берта, девушка лет 17-ти, вместе с кухаркой месят тесто. Прошла в мастерскую. Сидят грязные, бледные мастеровые ,стучат на машинах, а у одного стола отец с длинной седой бородой, длинном сюртуке, с очками на горбатом носу кроит и режет офицерские шинели да погоны. В маленькой комнатке рядом со столовой целая куча ребят. Две маленькие сестренки Руфа и Цива, 13 и 10 лет, сидят у стола и делают уроки.

Тут же маленький трехлетний Оська и шестилетний Ицек играют в какие-то кубики и палочки. Они сидят на кровати рядом с больной бабушкой. А в углу за шкапом сидят еще две детей: девочка лет 12 и мальчик лет 6. Это—сироты, приемыши. Они сидят, обнявшись и о чем то разговаривают. В физиономиях этих детей у всех есть что-то общее. Это общее—или тонкий, прямой или слегка с горбинкой нос, темные, большие глаза, чисто еврейский говор. Здесь горит маленькая керосиновая лампочка, освещая все это жалким колеблющимся красным светом.

— Соня,— кричит Берта, вбегая в комнату,—офицеры пришли.

Молодая девушка быстро поворачивает голову к сестре и желчно спрашивает:

— Ну и что же?

— Как что? Тебя папа спрашивает. А какие хорошенькие! Один черненький, с усиками, а другой...

Соня не слушает дальше. Ей противен этот слегка с хрипотой низкий голос Берты, сладострастный огонек, загорающийся в ее черных глазах. Она спешит

в магазин. Отец очень любезно разговаривает с двумя офицерами.

—Соня,—говорит он ей,—напиши вот, пожалуйста, счет г-на Дункевича и Перокова.

— Сейчас,—говорит Соня и направляется к конторке.

Офицеры смотрят на ее стройную фигуру. Через магазин, как бы мимоходом бежит Берта и, состроив глазки офицерам, убегает в кухню.

—Что ей?—думает Соня,—только и дела и заботы, что глазки строить да пироги ставить.

— Вот квитанции,—говорит она отцу, подавая счет.

Кто пришел там?

„Офицеры смотрят на ее стройную фигуру".

— Ах, это—мать с провизией.

В магазин входит пожилая женщина лет 45, закутанная в большой платок.

— Ой, как сыро на улице, и у нас с окон опять течет, Бог знает как. Что же делать,—весна.

— А это ты, Ревекка,—оглядывается муж.

В восемь часов пьют чай, и здесь собирается вся семья Моисея Гиршевича Шонга. Взрослые садятся в одной стороне стола, дети—в другой. У стола собирается человек двадцать пять—тридцать, и все это грязное, неряшливое, шумливое, болтливое.

За столом начинаются разговоры, кто о чем, всяк о своем: отец рассказывает, какие у него заказчики, какое у него плохое сукно и т. д. Тетка Елена говорит про то, что сегодня ее грудной сын почему-то не брал молока. Мать рассказывает про муку да про мясо. Как все стало страшно дорого, и как все трудно достать, и как на бедного человека нигде даже внимания не обращают. А Берта тараторит без умолку об офицерах, о шляпах, о подругах и т. д.

После чая она одевает новое платье, завивает волосы: куда-то собирается.

— Ты куда?—спрашивает мать.

— А сегодня клуб в офицерском собрании. Ты идешь?—обращается Берта к сестре.

—Нет уж, спасибо,—отвечает та,—мне завтра в шесть часов вставать надо.

Она, медленно подымаясь из-за стола, уходит в маленькую комнатку за магазином. Отец и мать неодобрительно глядят ей вслед.

— Все молчит, все молчит, как она воды в рот набрала,—говорит Ревекка, наливая новую чашку чая,—лучше бы уж, как Берта, была не так умна, зато была бы как все девушки. А то и красива, и умна, а проку мало; кто придет,—все молчит, и Богу никогда не помолится, и слова не скажет. Уж что и за человек такой,—качает она головой.

— А ну, я и не рад, что дал ей образование, воспитал, в гимназию отдал, на место определил, жениха хорошего нашел,—и все недовольна, все мало, все плохо живется. Неблагодарная да и все,—говорит Шонг, похаживая и поглаживая седую бороду.

— А я вовсе удивляюсь, что это за девушка такая! ничего ей неинтересно, ни разу она не сходит ни в театр, ни с подругами. Гм! У нее даже и подруг то нет,—добавляет сестра Елена, живущая у них на хлебах.

— А виновница всех этих разговоров Софья сидела запершись у себя в комнате и плакала... Плакала горько, неудержимо.

— Господи, скоро ли кончится все это? Ведь это невыносимо, невозможно, она с ума сойдет, если это продлится хотя еще полгода. Ох, какая жизнь! Эта будничная жизнь со всеми ее мелкими, неодухотворенными потребностями, движениями...

Она начинает свою жизнь с тех пор, как только помнит себя, с шести лет. Та же квартира; она, маленькая девочка, целый день занимается тем, что делает себе из тряпок куклы и забавляется ими.

Потом она помнит себя девочкой лет 12, с книжками, интересующеюся звездами, луной, Богом; солнцем, дождем и т. д.

Потом—это ученица 7-го класса гимназии, юная, чуткая девушка, полная идей, желаний, думающая поступить на курсы... И вдруг приходится оставить все свои идеи, мечты, надежду учиться дальше и поступить в контору на 40 руб. жалованья. Почему? Потому, что отец—старого закала еврей,—считает лишним для дочери учиться дальше. Он говорит, что вообще женщинам не надо учиться: „Красивая девушка всегда скорей жениха найдет, чем ученая". И ему хотелось как можно скорее выдать дочь замуж, а младшая, Берта, та и вовсе не училась нигде и еле-еле умеет читать и писать.

А Соня, начитавшаяся разных книг, повидавшая свет, уже не хочет, не может совершенно погрузиться в темноту, в эту будничную жизнь со всеми ее обыденными, скучными мелочами.

Долго плачет Соня.

„В магазине на сундуке сидит Соня и тревожно поглядывает на часы".

— Господи, что же ей делать? Как вырваться из этой жизни, из своей семьи.

Долго думает над этим Соня и, ложась спать, не приходит ни к какому выводу.

2.

11 часов. За окном льет дождь. Темно. Дети спят, отец с матерью переговариваются в полголоса в другой комнате.

В магазине на сундуке сидит Соня и тревожно поглядывает на часы.

— Итак,—решено.

Поезд идет полчаса первого, ей осталось всего 1 час пробыть в доме отца, в своем старом доме! Она уезжает в Москву, на „курсы". Исполнилась давнишняя ее мечта.

Вырвалась она из дома, из тьмы беспросветной. Вырвалась! Но каких усилий стоило ей вырваться из этого омута! Сколько сил потратила она на то, чтобы уговорить отца с матерью. Сколько слез пролила она, сколько бессонных ночей провела.

И вот теперь она уезжает. Сейчас под'едет извозчик, положит она свой чемодан, возьмет двести рублей, подаренные ей отцом, и отправится одна... Одинокая, никому не нужная, с вечно тоскующей душой, с вечною грустью. Но ведь это ее мечта, ее желание.

Что же теперь то, отчего у нее тоска, грусть, нехорошее безотчетное чувство?

Что же теперь то мучит ее?

— Вот,—думает Соня,—сейчас я уеду. Больше не буду сидеть здесь, в магазине, не увижу этой комнатки, не буду видеться с родными, не буду ничего знать, буду одна, одна, всегда одна...

И маленькие слезинки катятся из ее глаз.

— Что это стучит? Ах, это извозчик приехал. Ну, надо прощаться.

— Из столовой выходит отец, мать, тетка Елена, Берта и старшие дети.

— Приехал извозчик,—отрывисто говорит отец и смотрит в сторону. Все хранят молчание.

— Ну, прощай, мама,—говорит Соня и подходит к матери. Та ничего не говорит, молчит, но видно, как тяжело ей, как болит ее сердце. Как не ругала она Соню, как не ссорилась с ней, а как наступило время расстаться, так и нет сил. Легко ли сказать, расстаться с родной дочерью, отпустить ее юную, не опытную, одну в чужой город, к чужим людям? Она обнимала Соню и прижимала к груди ее голову. Проливая горячие слезы, она благословляла ее, благословляла на путь новой жизни среди чужих людей. Соня рыдала. Потом отец заклинал ее, чтобы не забыла своей веры, чтобы не смешалась с „гоями". Все плакали. Отец и Берта поехали провожать Соню на вокзал.

Анастасия Блок.

(Продолжение следует).

Дорогие товарищи!

Редакция убедительно просит вас сообщать в отдел „Хроника" о своей жизни, работе и т. д., дабы иметь с вами тесную связь и отражать ваши нужды.

ТЕАТР и МУЗЫКА.

О реализме, романтизме и мистицизме в современном театре.

„Петербургские трущобы"—драм. сцены по В. Крестовскому. „Орленок"—драма в 6 д. Э. Ростава (театр Незлобина). „Проклятый принц"—пьеса в 3 д. Алексея Ремизова (Театр имени В. Ф. Комиссаржевской).

Начиная свой театральный обзор, я нарочно наметил для просмотра перечисленные выше пьесы, дабы судить о тех или иных направлениях в современном драматическом театре; о симпатиях и антипатиях современной демократизованной публики к тем или иным направлениям и насколько „осуществимо" для актера то или иное направление, т.-е. насколько актер там и здесь *только* актер или *только* творец. Отсюда переход к *искусству* вообще и *искусству* в театре в частности. („Сценическое искусство, как великое искусство, есть творчество. Творчество актера—в *осуществлении* уже созданного поэтом характера" В. Белинский).

В настоящее время подлит вопрос о *существе* современного театра, т.-е. каким он *должен* быть—реалистическим, романтическим или мистическим. Все склонны к романтизму в театре и прямо указывают, что без *романтизма* театр умрет, т.-е. перестанет быть *театром*, а превратится в зрелище... Даже идут дальше, говоря, что „без романтизма—нет искусств".

Безусловно одно—„театр для немногих" *должен стать* „театром для всех"...

Но вопрос весь в том:—как?.. От *грубого* реализма через *мечтательный* романтизм, к *суеверному* мистицизму?.. Или?..

Странным является одно—до октябрьской революции 1917 г. „театр для немногих" был исключительно театром грубого реализма, и „Веры Мирцевы" и т. п. пьесы гнали „многих" в театры и переполняли их!..

Теперь же „театр для всех", накануне октябрьской годовщины революции, пустует—грубый реализм „Петербургских трущоб" не смог собрать в зрительном зале и трехсот человек; романтический бред желторотого „Орленка" собрал многих, таких, как и он, желторотых юнцов—неумывающих психопаток—девиц, и только; а мистика Ал. Ремизова не смогла даже наполнить „театра для немногих", каким был и есть театр „имени В. Ф. Комиссаржевской". (Хотеть же быть „театром—„театром для всех", судя по первой, новой постановке „Лулу" Ф. Ведекинда,—значит потерять *себя*—на театра *искусства* превратиться в *зрелище*).

Что это значит? Не „испанской ли болезнью" думают заболеть наши театры, ставя „Лулу", „Расплюевские *веселые* дни", „*Чады* жизни"?.. (курсив мой). Или думают быть „театрами для всех",

„Петербургские трущобы".

Г-н Бажетов—в роли Хлебонасущенского.
Рис. А. В.

в грубом смысле слова, т.-е. быть *только зрелищем*?..

Переходя к частностям, должен заметить, что переделка „Петерб. трущоб" в драм. сцены явно говорила „перекройщику" о необходимости иметь в репертуаре театра грубую мелодраму, с присловутыми аттрибутами ее—слезами героев и героинь, с многочисленными смертями действующих лиц и смертельным выстрелом из револьвера одного из героев...

Но все это далеко от *искусства*, хотя очень близко к жизни, что, представьте, сильно нравится нашей невзыскательной, художественно невоспитанной публике!

Дикие нравы „дна", босяки и жульяческие типы „трактира" сильно воспринимались немногочисленной публикой и вызывали гром аплодисментов. Такие же аплодисменты сорвала и 4-ая картина пьесы (у князей Шадурских), в концерте сыгранная г.г. Маликовым, Петровой-Волжиной, Гедиче и Баженовым. Думается, что аплодисменты здесь больше *отражали* ненависть толпы к бывшей буржуазии, утопающей и ради спасения своих материальных благ хватающейся за последнюю „соломинку", нежели прекрасное, художественное исполнение артистов!..

„До слез" тронул публику г. Лихачев, мелодраматично играя роль побочного сына, роль „униженного и оскорбленного".

„Творчески осуществил" характер ростовщика Мордехо г. Нелидов, но его „творчество" не дошло до сердец демократической публики, ибо артист в своей роли был больше творцом, чем актером, а „творчество—искусство" не было понято немногочисленной „массой" театральных лицезреев.

Театр им. Коммиссаржев.—„Лулу". Театр им. Коммиссаржев.—„Лулу"

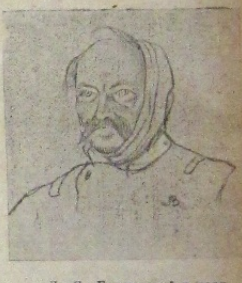
Г-жа Эльяшевич.
Рис. А. В.

Гомункс—г-н П. Свищев.
Рис. А. В.

„Петербургские трущобы".

Лука—Летучий—Ракшинский.
Рис. А. В.

„Петербургские трущобы".



Д. Я. Грузинский в роли капитана Закурдайло.
Рис. А. В.

Театр Незлобина. „Петербургские трущобы".

Князь Шадурский—Н. Маликов.
Рис. А. В.

Насколько наша публика привыкла к хорошим—„как в натуре", декорациям, можно судить по тем взрывам аплодисментов, которые разразились по адресу бездушных, размалеванных полотнищ 5-й картины. (Набережная Невы зимой. Ночь. На фоне темных зданий маячит одинокий огонек уличного фонаря).

В „Орленке" отмечу г. Лихачева, исполнителя заглавной роли, проводящий ее с романтическим надрывом, с театральным жеманством „манекенщицы от Мюра". Успех, как и в прошлогоднем сезоне, исключительно у девушек. Одной из многих была преподнесена артисту *даже* корзина живых цветов! (И это—в наше „голодное" время! Безумие!). Необходимо отметить г. Розанова, в роли камердинера герцога Рейхштадского, с сильным драматическим под'емом передавшего трудный монолог.

В „Проклятом принце" играли все розно. Пьеса шла взамен „Лулу", почему собрала, хотя и немногочисленную публику, но зато „цвет" интеллигентного пролетариата. Аплодисменты *отсутствовали*, что гармонировало с мистическим настроением самой пьесы, понравившейся, видимо, публике и вызвавшей среди нее много разговоров во время антрактов, как по существу самой пьесы, так и ее примитивной постановки.

Ник. Бреев.

Библиография.

„Эпоха", книга первая. Москва, 1918 г. Цена 8 рублей.

Радостно было увидеть эту книгу, — словно встретить милые знакомые лица. Ведь все имена: Андрей Белый, Александр Блок, Валерий Брюсов, Иван Бунин, Михаил Кузмин, Федор Сологуб. И как было больно и обидно раскрывать содержание 300 страниц. Где эти чарующие певучие искусы и вымыслы, оригинальность сюжета. Хорош Белый, особенно в этих строках:

Глухой зимы глухие ураганы
Рыдали нам.
Вставали нам моря, народы, страны...
Мелькали нам.. и д.

Но где Блок?! Я не узнаю его! Что сталось? Стихотворения из „Жизни моего приятеля" говорят мало. Впечатление такое, будто искусный художник нехотя, в минуты творческого молчания, набросал несколько мертворожденных строчек. Именно строчек. Но во имя всего им содеянного: „Стихов о прекрасной Даме", „Нечаянной радости", „Незнакомки", пройдем мимо и больше ни слова. Брюсовская „Ариадна", — что можно сказать о ней? Форма безупречна, но мертвы и глухи эти потом добытые строки. Вечная прония творчества Брюсова.

Хороша Брюсовская „Miscellanea". Прелестна по своей простоте Бунинская „Могила". Простые западающие в душу слова. Бунин — тот же сосредоточенный вещий Баян. Мало говорят стихотворения малоизвестного В. Ропшина-Савинкова. Они красивы, ритмичны, но безлики. Чувствуется и Блок и Ахматова, а своего мало. Лишний раз заставляет удивляться Владислав Хадасевич. Кто ему сказал, что он поэт?!

Форма его „Эпизода" требует тонких красивых штрихов, волнующих бледных туманностей, а тут будничная неумелая надуманность, угловатость, а в общем скучно. Роман Сологуба „Заклинательница змей" оставляет в душе горькое, досадное разочарование. Неужели исполнилось пророчество, что талантливые люди, если и не пишут плохих, скверных вещей, то создают скучные натянутые. „Мелкий бес" и это?! Нет, это больно. И все спасение подобных вещей в совершенстве формы и стиля.

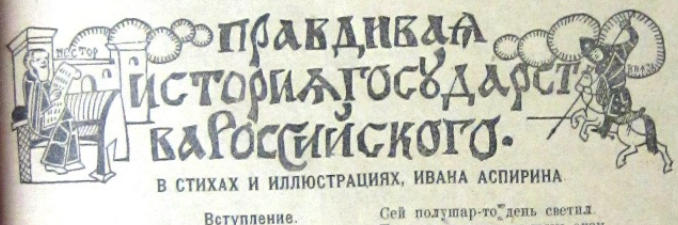
Когда то воспетый поэт тихих здоровых будней Кузьмин дал повесть „Шелковый дождь". Хотелось бы спросить, что он хотел сказать этой повестью? Дать оригинальный сюжет, благодаря которому можно было построить интересную борьбу двух любовников? Дать характер, тип, превратность ассоциаций? Может быть, то и другое? Может быть, но почему то нет ни того, ни другого. У него есть очень похожий на эту повесть рассказ „Завтра будет хорошая погода" — милая, капризная вещица,—и вот ею то и исключается, исчерпывается „Шелковый дождь". Конечно, об одном и том же можно говорить несколько раз, но надо уметь говорить не надоедая, а он не сумел. И опять форма и стиль делают эту повесть приемлемой—не больше.

Виктору Мозалевскому хочется сделать реприманд, но только не из тех, которые произносили Дези, профессор Офель, Масканьи и пр. на именинах его „Пантеистичной Полины". К чему такая вычурность и крикливость? Впечатление, вызванное разговором с опоэтизированным юнцом хорошего тона, отыскивающим замысловатые безжизненные сравнения галлицизма и фейерверки иностранных слов. А хочется верить, что у него есть талант, капризный, своеобразный, и почему то думается,—не обман ли это. Ну, а если обман, то, надо отдать справедливость, обман довольно тонкий. Красива и мягка по краскам и колориту сказка Алексея Толстого „Синица", и если не очень занимательна по своей фабуле, то за немногими местами безупречна по исполнению. Заслуживает внимания статья Белого „Восток или запад", но слишком запутанна, отрывочна, а поэтому и не вполне оправдывает свою цель. Если символизм Белого хорош в его поэзии и прозе, то он зачастую бывает тягостен и неуместен в его статьях. Очерк А. Немова „Цезарь в своих записках"—вот вещь простая, скромная и серьезная. И если анализ недостаточно глубок, то все-таки удовлетворителен, и очерк небезполезен и даже интересен и приятен как для среднего читателя, так и для филолога.

Вот и все; в сущности не так много, а ведь открывая книгу, хотелось и ожидалось большего.

Но, еще раз повторяю, пройдем молча мимо тех, перед созданными шедеврами которых мы склоняли очарованно души и сердца. Может они вспыхнут еще, зажгут нас, и если тлеют сейчас и сгорят в будущем, то они сказали свое и они безсмертны. Ни одного упрека.

Анатолий Вашков.


Правдивая
История государства Российского.

В СТИХАХ И ИЛЛЮСТРАЦИЯХ, ИВАНА АСПИРИНА

Вступление.

О том, как жили наши предки,
История сказать могла-б,
Но у историков нередко
Рассказ бывает прямо слаб.
Под тяжестью цензуры гнета
Историк наш хвалил царей,
Изображая патриота
Пел гимны им, как соловей.
В рассказах—искаженье фактов
За что давались ордена,
Доверья не внушают как-то
Ученых этих имена.
Сидя за чаем в вечер майский,
За анекдотом анекдот
Строчил известный Иловайский
И чаем наливал живот.
Дабы исправить все ошибки
И правду-матку обнажить
Я, с иронической улыбкой,
Распутаю обмана нить.

I.

Давно тому назад в Египет
Приехал из Руси монах,
Им мудрости был кубок выпит,
Огнь знания горел в глазах.
Без отступленья, слово-в-слово
Я передам его рассказ—
Рассказ Кузьмы Индикоплова
О том, что делалось у нас.
Земля тогда была не шаром,
Покоилась на трех китах,
Плоска, как площадь пред базаром
Тучна, обильна—прямо страх!
На неком полукруглом теле
Надеты были тьмы светил,
И Божьи Ангелы вертели
Сей полушар-то день светил.
То ночь глядела темным оком
Но от трудов сиих... Скандал,
Пот ангелов, струясь потоком,
Дождем на землю упадал.
В те времена была пантера
Смиренна и зело кротка,
Любезности слыла примером,
Питалась запахом цветка.
А антилопа—всех гневливей:
Ловец приблизиться не смей
И назови судьбу счастливой
Коль не попался в лапы ей.
Из срубленных и обоженных сосен
Росли дубы—примерно в час;
Был керосин для вкусу сносен

И мерзок вкусом ананас.
Струились реки там камнями,
Песочные моря текли,
С глазком во лбу, с шестью руками
Родились люди той земли!
С ногами скотьими иные,
Иные—с песьей головой,
С глазами и со ртом на вые
Их говор был протяжный вой.
И презабавнейшие парни
Водились там, совсем без губ
Их сотворил творец коварный!
Душой жесток и в шутках груб!
Служил им пищей только запах,
Исчезнет запах и конец.
И корчится у смерти в лапах
Творца творения венец.
На севере, у океана,
Людей род некий прозябал,
И закрывался,—как ни странно—
Ушами вместо одеял.
На юге, где светлей червонца
Траву-ковыль, жарой спалив
Жарчее печи жарит солнце
Молочный был тогда залив.
И зонтиком задравши ногу
Дабы прикрыться от жары,
Там на песке лежало много
Мужей, и жен и детворы.
Недолго предки в сем покое
Пожили между тех чудес:
Существованье неземное
Сменил докучливый прогресс.
Проживши несколько столетий,
Славяне изменили вид:
Настроили избушки клети
И завели общинный быт.
Сии правдивые рассказы *)
Я только с подлинника взял,
И повторяю лишней фразы
Я в пересказе избегал.
Историков мне чужды споры;
Откуда взялся русский род
Сошел ли с гор, взошел ли в горы
С востока иль наоборот.

*) „Физиолог" Египетск. монаха Козьмы Индикоплова, относимый историком М. Ковалевским к IV веку.

II.

В девятом веке по равнине,
По пустырям, не без труда
Бродили предки, там, где ныне
Деревни, села, города.

От Ильмень—озера и Чуди—
К низовьям быстрого Днепра,
Шатались всяческие люди,
Водилась всякая мура.
Там были финны, печенеги,

ДИВЬИ ЛЮДИ И ЗВЕРИ.

Славяне, угры—всякий сброд,
И каждый в яростном набеге
Другому вспаривал живот.
Там каждый князь сбирал дружину
На перекрестке двух дорог,
А при отказе—ножик в спину
Вонзиться преспокойно мог.

Иван Аспирин.

(Продолжение следует).

СМЕСЬ и ЗАДАЧИ.

«Мешочник».

(Вольное подражание Некрасову: „Коробейники").

Ой, полна сума походная,
Есть и хлебец и мука...
Пожалей душа дородная
Ненаглядного дружка!
Выйди, выйди за амбарики,
Там всю ночку буду ждать...
Я пшеничные сухарики
Все тебе хочу отдать.
Вот и пала ночь туманная
Ждет мешочник удалой...
Чу! Идет—пришла желанная
Прямо к парню за село...
Тот подарки заграничные
(Из Украины привез)
И ржаные и пшеничные
Ей с поклоном приподнес.
Цены сам платил великие:
Не торгуйся, не балуй
И мешочника Аникия
Прямо в губы поцелуй.
Дал ей хлеба штуку целую
Сухарей еще на день,
Винограду, дыню спелую
Из далеких деревень.
Все припрятала любимая,
Кроме порожнего мешка:
Эта вещь необходимая
Для сердечного дружка.

Знает зорька предрассветная
Чем закончилось у них...
Совершилася заветная
Тайна ночи в этот миг.
Хорошо было детинушке
Слушать ласковую речь—
Хоть пришлось еще с мякинушкой
Хлебы жмыховые печь.
Часто друга дожидаючи
Девка ночи не спала,
По неделям голодаючи
Рада зернышку была.
Хлеб печет, а неотвязная
Дума на сердце лежит:
Как девица буржуазная
Молодца приворожит;
Как изменит, да засватает
На далекой стороне..
И у девки сердце падает—
Приезжай, дружок, ко мне!
И засватай перед осенью:
Будет в зиму веселей...
Не забудь свою Евфросинью
И ребенка пожалей,
Буду я жена хорошая:
Не болтлива и не зла,
И нарядна, и пригожая,
И румяна и бела...
Ни дворянка, ни купчиха я
Да и нравом я смирна:
По натуре большевичка я
Социальная жена.

В. Крейдич.

Перестановка букв пластинок №

о	л	м	и
а	е	п	е
о	к	р	о
е	л	м	о
о	о	л	д

Данные пластинки с буквами перес... вить так, чтобы можно было прочит... одну русскую пословицу. Пластин... можно перевертывать.

А. С.

ХРОНИКА.

В Московском университете

Прошения о зачислении в Московский ... верситет не перестают поступать. С 1-го августа настоящего времени подано 3.347 прошени... издания декрета было подано в университет ... прошения мужчинами и 265 женщинами.

На фармацевтические курсы при университе... подано 328 прошений.

Зачисление в студенты университета до ... пор не происходит, в виду отсутствия прави... приеме, которые вырабатываются Комиссарие... Просвещения. До получения правил о приеме ... прошения, по мере их поступления, регистриру... ся, но пока не рассматриваются.

Занятия в клиниках университета начну... 15-го сентября, чтение лекций предполагается ... зобновить с 1-го октября, если к тому врем... будут рассмотрены все поступившие прошени...

Памяти А. В. Круглова

(† 9 октября 1915 г.).

В октябре текущего года исполнилось ... три года со дня смерти в Сергиевском Посада ... вестного русскому юношеству писателя Алекс... дра Васильевича Круглова.

Покойный писатель всю свою жизнь отд... служению юному поколению. Он воспитывал ... учил и вел к свету Добра и Любви.

Работа в этой области была его духовн... пищею, и в своих беседах в письмах к „малень... кому народу", как называл он растущее поко... ние, он вкладал всю чуткость своей души, ... любовь своего сердца и все обаяние своего ха... рактера.

И „маленький народ" любил своего воспит... теля, учителя и собеседника, люб... л искренн... пламенно.

Печатаясь в детских журналах, Круглов с... ими рассказами, повестями и стихотворения... написанными простым и общепонятным языко... разжигал в юных сердцах желания итти путе... Добродетели и Любви.

В последние годы своей жизни он сотруд... чал в „Газетке для детей и юношества", печат... в ней свои письма к „маленькому народу", ... когда, в начале войны, в 1914 году печатан... его писем прекратилось, редакция „Газетки" ... лучала массу писем от юных подписчиков с ... просами и сожалениями: почему не печатаю... письма Круглова? Будут ли они печататься ... Очень жаль, что уважаемый учитель перест... писать нам письма! и т. д.

А. В. Круглов издавал под личным редак... рованьем журнал „Светоч" и „Дневник писате...

М. Черных.

Фонд издательства русской молодежи.

До 2 окт. поступило от В. Крейдича, (Ви... ма)—20 руб., от И. Игумнова (Москва)—20 ... Итого — 40 руб.

От редакции. По независящим от редакц... обстоятельствам настоящий номер, выходит ... кращенным.

Секретариат Свободного союза молодежи ... журн.. „Ж и Т. Р. М." помещается на 1 Мо... д. 50, кв. 12. Запись в члены и справки д... в приемные дни редакции.